

УДК 94:327((47+57)+430)«1922-1925»:94:327(4-191.2)«1922-1925»

РАПАЛЛЬСКИЙ ДОГОВОР КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕРИФЕРИИ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ (1922–1925)

Н. Н. МЕЗГА¹⁾

¹⁾Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины,
ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь

На основе парадигмы «ядро – периферия системы международных отношений» и связанной с ней концепции региональных подсистем анализируется влияние Рапалльского договора на международные отношения в центральноевропейской подсистеме версальской системы. Установлено, что формирование предпосылок к заключению Рапалльского договора во многом было связано со спецификой центральноевропейской региональной подсистемы, которая включала государства с различным отношением к версальской системе. На ее границе располагалась Россия, не подписавшая Версальский мир, но ставшая фактически актором центральноевропейской подсистемы через Рижский мирный договор. Отмечается, что в основе Рапалльского договора лежало общее стремление Германии и России уничтожить международный порядок, установленный в регионе Версальским миром и Рижским мирным договором. Это создавало угрозу международным позициям государств, заинтересованных в сохранении версальской системы. Рапалльский договор содействовал усилению данной тенденции в политике ведущих западных государств.

Ключевые слова: Рапалльский договор; версальская система; центральноевропейская подсистема; Советская Россия; СССР; Германия; международные отношения; Локарнские договоры; Рижский мирный договор.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения задания государственных программ научных исследований на 2021–2025 гг.

РАПАЛЛЬСКИ ДАГАВОР ЯК ФАКТАР МІЖНАРОДНЫХ АДНОСІН НА ЦЭНТРАЛЬНАЕЎРАПЕЙСКОЙ ПЕРЫФЕРЫІ ВЕРСАЛЬСКОЙ СІСТЭМЫ (1922–1925)

М. М. МЯЗГА^{1*}

^{1*}Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны,
вул. Савецкая, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь

На аснове парадыгмы «ядро – перыферыя сістэмы міжнародных адносін» і звязанай з ёй канцэпцыі рэгіянальных падсістэм аналізуецца ўплыў Рапальскага дагавора на міжнародныя адносіны ў цэнтральнаеўрапейскай падсістэме версальскай сістэмы. Устаноўлена, што фарміраванне перадумоў да заключэння Рапальскага дагавора шмат у чым было звязана са спецыфікай цэнтральнаеўрапейскай рэгіянальнай падсістэмы, якая ўключала дзяржавы з розным стаўленнем да версальскай сістэмы. На яе мяжы размяшчалася Расія, якая не падпісала Версальскі мір, але якая стала фактычна акторам цэнтральнаеўрапейскай падсістэмы праз Рыжскі мірны дагавор. Адзначаецца, што ў аснове Рапальскага дагавора ляжала агульнае імкненне Германіі і Расіі знішчыць міжнародны парадак, усталяваны

Образец цитирования:

Мезга НН. Рапалльский договор как фактор международных отношений на центральноевропейской периферии версальской системы (1922–1925). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2022;3:61–70.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-3-61-70>

For citation:

Miazga MM. The treaty of Rapallo as a factor of international relations on the Central European periphery of the Versailles system (1922–1925). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2022;3:61–70. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-3-61-70>

Автор:

Николай Николаевич Мезга – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой всеобщей истории факультета истории и межкультурных коммуникаций.

Author:

Mikalai M. Miazga, doctor of science (history), full professor; head of the department of general history, faculty of history and intercultural communications.
nmezga@gsu.by

ў рэгіёне Версальскім мірам і Рыжскім мірным дагаворам. Гэта стварала пагрозу міжнародным пазіцыям дзяржаў, зацікаўленых у захаванні версальскай сістэмы. Рапальскі дагавор садзейнічаў узмацненню дадзенай тэндэнцыі ў палітыцы вядучых заходніх дзяржаў.

Ключавыя словы: Рапальскі дагавор; версальская сістэма; цэнтральнаеўрапейская падсістэма; Савецкая Расія; СССР; Германія; міжнародныя адносіны; Лакарнскія дагаворы; Рыжскі мірны дагавор.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны ў рамках выканання задання дзяржаўных праграм навуковых даследаванняў на 2021–2025 гг.

THE TREATY OF RAPALLO AS A FACTOR OF INTERNATIONAL RELATIONS ON THE CENTRAL EUROPEAN PERIPHERY OF THE VERSAILLES SYSTEM (1922–1925)

M. M. MIAZGA^a

^aFrancisk Skorina Gomel State University,
104 Savieckaja Street, Homiel 246019, Belarus

On the basis of the core – periphery paradigm of international relations system and the associated concept of regional subsystems, the analysis of the impact of the Rapallo treaty on international relations in the Central European subsystem of the Versailles system is carried out. It is established that the formation of prerequisites for the conclusion of the Rapallo treaty is largely related to the specifics of the Central European regional subsystem. It included states that were characterised by a different attitude to the Versailles system. Russia, which had not signed the Versailles treaty, was located on its border, but through the Riga treaty it actually became an actor within the Central European subsystem. The Rapallo Treaty was based on the common desire of Germany and Russia to destroy the international order that was established in the region by the Versailles and Riga treaties. This posed a threat to the international positions of a number of States in the region interested in preserving the Versailles system. The Rapallo treaty helped to strengthen this trend in the policy of the leading Western states.

Keywords: Rapallo treaty; Versailles system; Central European subsystem; USSR; Soviet Russia; Germany; international relations; Locarno agreements; Riga treaty.

Acknowledgements. The article is prepared within the framework of the state research programs task for 2021–2025.

Введение

Советская Россия и Германия 16 апреля 1922 г. подписали Рапальский договор. Он не только имел важное значение для развития советско-германских отношений, но и серьезно влиял на международную ситуацию в Центральной и Восточной Европе. Сегодня создана достаточна обширная историография рапальской политики в советско-германских отношениях. В советской историографии Рапальский договор объяснялся через концепцию политики мирного сосуществования [1; 2]. В исследованиях постсоветского периода акцент делался на общности интересов Советской России и Веймарской республики в рамках версальской системы международных отношений как фундаменте рапальской политики [3–7]. В германской историографии подчеркивается значе-

ние Рапальского договора для обеспечения большей свободы маневра для Германии на международной арене. Германские историки представляют его как важнейший инструмент ревизии версальской системы, который предполагал поиск мирных путей изменения послевоенного статус-кво и в то же время укреплял европейское равновесие [8; 9]. Польская историография подчеркивает антипольскую направленность Рапальского договора, указывая на его угрозу для Польши [10; 11]. Цель данной статьи – определить, в какой степени Рапальский договор повлиял на характер межгосударственных отношений в рамках центральноевропейской региональной подсистемы международных отношений, а также на положение в ней ряда государств региона.

Методология исследования

В основе методологии данного исследования лежит парадигма «ядро – периферия системы международных отношений» и связанная с ней концепция региональных подсистем. Версальско-вашингтонская система международных отношений рассма-

тривается сквозь призму взаимодействия ее ядра и региональных подсистем. В качестве центральной подсистемы версальско-вашингтонской системы международных отношений выступала европейская подсистема [12, с. 11–12; 13, с. 10, 15]. В силу ее

значимости и автономии мы считаем правомерным применение к ней термина «версальская система» и рассмотрение ее как самостоятельной системы. Одной из региональных периферийных подсистем версальской системы являлась центрально-европейская подсистема. Выделение центрально-европейской подсистемы в качестве единицы исследования позволяет выявить особенности международного положения государств в рамках версальской системы, в том числе в плане влияния

Рапалльского договора на ситуацию в регионе. Данный подход позволяет также учесть влияние великих держав, составлявших ядро версальской системы, на ситуацию в центрально-европейской подсистеме. При исследовании геополитики 1920-х гг. необходимо применение системного подхода, так как различные государства, в том числе центрально-европейские, действовали в рамках и под влиянием существовавшей версальской системы международных отношений.

Результаты и их обсуждение

Первая мировая война привела к формированию новой версальско-вашингтонской системы международных отношений. Достаточно автономная версальская система являлась центральной подсистемой версальско-вашингтонской системы и включала большинство государств, составлявших ее ядро на момент становления: Великобританию, Францию, Италию. Именно они играли определяющую роль в формировании версальской системы. Центральная Европа представляла собой периферийную региональную подсистему версальской системы. Вопрос о том, что включала в себя Центральная Европа как политический регион в межвоенные годы, представляется дискуссионным. Когда речь идет о центрально-европейской региональной подсистеме международных отношений, то к ней, на наш взгляд, следует отнести Германию, Польшу, Чехословакию, Австрию, Литву, Латвию и Эстонию. Что касается Советской России, то в момент создания версальской системы она оказалась за ее пределами.

Уже в процессе формирования версальской системы в Центральной Европе обозначились острые противоречия между странами. Именно в этом регионе была осуществлена перекройка европейской политической карты, возникли новые национальные государства, прежде всего за счет территорий, которые были отняты у стран, проигравших Первую мировую войну. Как отмечает итальянский историк Э. ди Нольфо, созданная в Центральной Европе система государств, организованная в соответствии с новыми границами, таила в себе угрозы, нестабильность, ревизионистские устремления [14, с. 69]. К этому следует добавить идеологические разногласия между Советской Россией и ее соседями, а также государствами Запада, выступавшими в роли создателей и ядра версальской системы.

Центральную Европу мы можем выделить в отдельную региональную подсистему версальской системы, так как здесь сформировался собственный комплекс проблем и вопросов международной повестки, которые во многом определяли характер отношений между странами. Особенность централь-

но-европейской подсистемы составляло то, что на международную ситуацию в этом регионе существенное влияние оказывали не только соглашения, подписанные в рамках Версальской конференции, но и Рижский договор, а также ряд других пактов. Как отмечает польский исследователь В. Матерский, Рижский договор стал базовым элементом польской политики безопасности в регионе¹. Через Рижский договор Советская Россия превращалась в одного из акторов центрально-европейской подсистемы, хотя она и не подписывала соглашения, разработанные на Парижской мирной конференции. Рижский договор был подписан без участия центральных держав версальской системы и во многом вопреки их позиции. Наряду с Версальским миром положения Рижского договора содействовали тому, что Германия и Россия утратили общую границу. Центральноевропейская подсистема представляла собой контактную периферию версальской системы, так как входившие в данную систему государства сталкивались здесь с не входившей в нее Советской Россией. Данные особенности центрально-европейской подсистемы во многом предопределили восприятие расположенными здесь странами Рапалльского договора и его влияние на международные отношения в регионе. Отметим, что в контакте с периферией версальской системы находилась и БССР, на которую распространялся Рапалльский договор.

Для руководства Советского государства сверхзадачей внешней политики было восстановление геополитических позиций страны, которые она занимала к началу Первой мировой войны. Добиться этой цели с помощью стран Антанты было маловероятно, так как предполагалась ревизия созданной ими версальской системы на ее центрально-европейской периферии. В. И. Ленин еще во время подготовки Рижского мирного договора говорил: «Мы используем любую возможность, чтобы перейти от обороны к наступлению. Мы уже надорвали Версальский договор и дорвем его, как только представится удобный момент» [15, с. 31]. Поэтому в качестве реального инструмента реализации

¹Матэрыялы з гісторыі беларуска-польскіх узаемаадносін у XX ст. : зб. навук. пр. III Міжнарод. навук.-тэарэт. канф. Мінск, 9–10 чэрв. 2011 г. / навук. рэд. Е. Расоўская, А. Вялікі. Мінск : Каўчэг, 2012. С. 12.

великодержавных планов Советской России оставалось тесное сотрудничество с Германией. Именно этот курс избрали большевики, перейдя от политики подталкивания мировой революции к более реалистичной политике защиты интересов Российского государства [4, с. 200].

Отношение к версальской системе среди государств было различным. Германия и Советская Россия по разным причинам выступали ее противниками и стремились к ее разрушению. При этом нельзя однозначно утверждать, что версальская система была направлена против России. Принятые в Версале документы резервировали возможность будущего отдельного урегулирования отношений с Россией. С большой осторожностью страны Антанты подходили к определению границ России с ее новообразовавшимися соседями, в частности с Польшей.

Польша и Чехословакия в значительной степени были обязаны версальской системе своей независимостью и границами. Они исходили из того, что Советская Россия и Германия представляют для них угрозу. Как уже отмечалось, важнейшим результатом создания версальской системы для Центральной Европы было то, что Россия и Германия утратили общую границу. Особую значимость этому факту придавали польские политики. Один из лидеров национальных демократов Р. Дмовский писал, что Германии нужно, чтобы именно она, а не кто-то другой был западным соседом России. И главное препятствие на этом пути – Польша². Данными опасениями и будет в решающей степени определяться негативная реакция Польши на Рапалльский договор. Западные политики были озабочены тем, что в условиях укрепления советской власти произойдет активизация политики России в сфере интересов Антанты, к которой относилась и Центральная Европа. В связи с этим в представлении западных политиков балтийские государства и независимая Польша являлись буфером против расширения как российского, так и германского влияния. Однако вопрос о том, в какой степени названные государства могут стать опорой устойчивой системы международных отношений на востоке Европы, оставался открытым [16, с. 468]. Более того, как справедливо отмечает российский исследователь В. Л. Мальков, для Великобритании и Франции малые страны «санитарного кордона» вскоре стали обузой. Со своей стороны буферные государства все сильнее боялись стать разменной монетой в большой игре великих держав [17, с. 202–203]. Эта игра могла вести к ревизии версальской системы на ее центральноевропейской периферии, что шло вразрез с интересами Польши, Чехословакии, стран Балтии.

Стремление государств-победителей зафиксировать свое господствующее положение, в частности в Центральной Европе, их усилия по созданию санитарного кордона между Советской Россией и Веймарской республикой обусловили сближение этих двух стран. К этому же Москву и Берлин толкала и политика государств санитарного кордона, прежде всего Польши. Так, Советская Россия совместно с Германией решительно выступала против попыток Польши подчинить влиянию Эстонию, Латвию, Литву, рассматривая эти небольшие страны как пояс безопасности на своих границах. Территориальное размежевание, установленное Рижским мирным договором, негативно воспринималось советским руководством. В. И. Ленин отмечал, что заключение договора встретило сопротивление со стороны многих представителей руководства большевистской партии и ему пришлось выдержать «жесткий бой», чтобы были приняты тяжелые для Советской России условия мира [18, с. 19].

Говорить о неудовлетворенности Германии территориальными постановлениями Версальского мира, особенно в части, касающейся Центральной Европы, излишне. В желании Москвы и Берлина разрушить версальский порядок политическая элита Польши видела именно основу для сближения России и Германии. С. Грабский писал в связи с этим: «Москва и Берлин разными, однако скоординированными дорогами, общим планом деятельности стремятся подорвать и уничтожить мир, установленный на развалинах германского мирового господства»³ (перевод наш. – Н. М.). Сближало Германию и Россию и то, что они не участвовали в решении территориальных вопросов малых государств Центральной Европы.

В какой степени Советской России и Германии удастся осуществить свои антиверсальские планы в Центральной Европе, во многом зависело от ведущих западных государств. Политика Франции по отношению к странам региона определялась прежде всего тем, в какой степени они могли рассматриваться в качестве союзников против Германии и служить укреплению версальской системы на ее центральноевропейской периферии. Политика Великобритании была иной. Она вызывала опасения у стран региона, которые были заинтересованы в стабильности версальской системы. Типичную для польской элиты точку зрения относительно британской политики в регионе высказал С. Грабский, который утверждал, что еще на Парижской конференции для британской дипломатии были характерны антипольские шаги, в основе которых было желание не допустить чрезмерного ослабления Германии⁴. Великобритания, исходя из своего геостратегического

²Dmowski R. Świat powojenny i Polska. Warszawa : nakł. Spółki Wydawniczej Warszawskiej, 1931. S. 285.

³Grabski S. Z godziennych walk i rozważań. Poznań : Wielkopolska Księgarnia Nakładowa Karola Rzepenskiego, 1923. S. 163.

⁴Tamsamo. S. 89.

положения, основой стабильности на международной арене традиционно считала европейское равновесие. В новых международных условиях она гибко подходила к вопросам его поддержания. Британские политические деятели отнюдь не желали связывать себя обязательствами по поддержанию территориальной целостности континентальных государств, особенно если ее нарушение не грозило сломом общеевропейского баланса сил [16, с. 458]. Исходя именно из такого подхода строилась британская политика по отношению к центральноевропейской периферии версальской системы. Кроме того, с точки зрения британской политики, слабые государства названного региона с проживавшим на их территориях значительным немецким меньшинством представляли собой наиболее вероятное условие для будущей войны [16, с. 469]. Чтобы избежать такого развития событий, Великобритания фактически с момента создания версальской системы считала необходимым ее реформирование. В рамках него интересы стран Центральной Европы (той же Польши) она готова была учитывать в последнюю очередь. Еще на Парижской конференции Д. Ллойд Джордж заявил, что наибольшую опасность он усматривает в возможности союза Германии и России⁵. Не желая превращать Германию в союзницу Советской России, британская дипломатия не связывала себя окончательным признанием территориального деления, произведенного в Версале [17, с. 205]. Это в полной мере относилось и к польской границе, установленной Рижским мирным договором. В ходе визита польского министра иностранных дел Е. Сапегу в Лондон в феврале 1921 г. Д. Ллойд Джордж заявил, что Великобритания признает польско-советскую границу, если это будет граница, установленная великими державами [19, с. 460]. Накануне Генуэзской конференции в правительственных кругах Великобритании рижская граница, как и раньше, оценивалась как чрезмерно увеличивающая территорию Польши и являющаяся источником нестабильности в Европе [20, с. 34].

Данная политика Великобритании учитывалась странами Центральной Европы. В Берлине полагали, что Великобритания была готова не настаивать на жестком выполнении всех положений Версальского мира, поэтому воздержались от подписания соглашения с Советской Россией до начала Генуэзской конференции. Берлин надеялся на соглашение со странами Запада. Советское руководство видело в Великобритании страну, соглашение с которой на Генуэзской конференции возможно. Еще 16 марта 1921 г. два государства заключили торговый договор. После окончания Гражданской войны для большевиков на первый план вышла задача эконо-

мического восстановления страны. Это делало жизненно важным налаживание экономических связей с ведущими капиталистическими государствами. В письме В. М. Молотову от 14 июня 1921 г. Г. В. Чичерин обозначил именно экономический приоритет советской политики в отношении Великобритании. Он резко протестовал против требования руководителя советских профсоюзов С. А. Лозовского организовать передачу денег бастующим английским рабочим через представительство РСФСР в Лондоне, так как это могло привести к разрыву торгового договора с Великобританией. Позицию наркома иностранных дел поддержал и В. И. Ленин⁶. А накануне Генуэзской конференции 25 февраля 1922 г. Г. В. Чичерин, излагая свои соображения относительно позиции на ней Советской России, писал: «Наша дипломатия преследует в конечном счете производственные цели, нашу внешнюю политику мы постоянно характеризуем как производственную политику, ставящую себе целью способствовать интересам производства в России»⁷. Незадолго до открытия Генуэзской конференции Г. В. Чичерин на заседании комиссии по ее подготовке отметил, что поскольку мировая революция наступит позже, то ближайшей задачей является экономическое восстановление страны, причем с помощью западных государств. Но В. И. Ленин при этом предлагал добиваться на конференции отмены Версальского мира и остальных мирных договоров [21, с. 87, 89]. Таким образом, на Генуэзской конференции Советская Россия была заинтересована в достижении соглашения с крупными капиталистическими государствами. Вопрос заключался в том, с кем из них удастся договориться.

Уже на начальном этапе Генуэзской конференции Советская Россия и Германия убедились в том, что государства Антанты не идут на компромисс. Это и предопределило готовность, прежде всего Германии, подписать Рапалльский договор. Его подписание имело важное значение не только для советско-германских отношений, но и для международной ситуации на центральноевропейской периферии версальской системы в целом. Два государства, занимавшие ярко выраженные антиверсальские позиции, объединяли свои усилия в стремлении подвергнуть ревизии эту систему. Российская и германская экономики удачно дополняли друг друга, что позволяло двум государствам ускорить экономическое развитие. Активное продвижение Германии на российский рынок не могло оставить безучастными предпринимателей других крупных капиталистических стран. Они неизбежно должны были стремиться занять свою нишу на российском рынке.

⁵Радек К. Внешняя политика Советской России. М.: Госиздат, 1923. С. 82.

⁶Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М.: Наука, 1998. С. 289.

⁷Там же. С. 349.

Реакция на Рапалльский договор государств Антанты, к которым присоединились Польша и Чехословакия, сразу же была негативной. Последовали ноты союзников, в которых они требовали от Германии денонсации договора с большевиками [6, с. 59–60]. На наш взгляд, для Великобритании это была скорее сиюминутная реакция на сепаратное соглашение во время конференции, чем устойчивый курс. Великобритания не исключала ревизии ряда положений версальской системы, прежде всего в Центральной Европе. Теперь в условиях соглашения между Советской Россией и Германией для британской политики это становилось вдвойне актуально. Через отдельные шаги навстречу Германии в деле ревизии Версаля Великобритания имела шанс не допустить оформления тесного советско-германского союза. Такая политика Лондона означала ускорение коррозии версальской системы, в первую очередь на ее центральноевропейской периферии.

В историографии дискуссионным является вопрос, в какой степени Рапалльский договор представлял угрозу для Польши. Польские историки однозначно указывают на угрозу советско-германского соглашения для своей страны и объясняют ее риском усиления внешнеполитической изоляции Польши [22, с. 253–266]. Американский историк К. Финк считает, что Рапалльский договор создавал угрозу не только для Польши, но и для всего восточноевропейского региона. Причем, по его мнению, главная угроза исходила не со стороны Германии, а со стороны России [16, с. 207]. На наш взгляд, польские опасения относительно Рапалльского договора имели под собой основания. Как считали в Варшаве, Польша оказывалась в значительной изоляции, в окружении советско-германских геополитических тисков. И важнейшей задачей было разжать эти тиски. При этом Польша должна была учитывать тот факт, что тесное сотрудничество Советской России и Германии будет способствовать восстановлению их военно-экономического потенциала. Временное соглашение о сотрудничестве между рейхсвером и Красной армией было подписано 11 августа 1922 г. Рейхсвер получил право создавать на территории России военные объекты для проведения испытаний техники, накопления тактического опыта и обучения личного состава. Советская сторона получила право участвовать в военно-промышленных испытаниях и разработках [23, с. 15]. Соглашение должно было содействовать восстановлению военно-экономического потенциала России и Германии, а направлен он мог быть в первую очередь против

Польши. На IX Всероссийской конференции РКП(б) В. И. Ленин именно Польшу определил в качестве важнейшего бастиона версальской системы в Центральной Европе⁸, а на сокрушение этой системы была нацелена советская внешняя политика. Хорошо знавший ситуацию того времени германский дипломат Г. фон Дирксен отмечал в своих мемуарах, что в основе русско-германской дружбы «лежала общая нелюбовь к своему общему соседу – Польше»⁹.

Рапалльский договор способствовал проявлению еще одного неблагоприятного для Польши фактора. Чтобы оторвать Германию от Советской России, Великобритания стала более склонной к шагам по ревизии некоторых постановлений Версальского мира, прежде всего в Центральной Европе. Министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен не раз говорил о том, что Англия и Россия борются за душу Германии [24, с. 86]. Для британской дипломатии важнейшим инструментом этой борьбы были уступки Германии в реализации Версальского мира. В то же время центральным элементом польской внешней политики являлось сохранение того порядка вещей, который был установлен после Первой мировой войны. Министр иностранных дел Польши К. Скирмунт в инструкции для польских дипломатических представительств за границей в августе 1921 г. писал, что основа внешней политики Польши – уважение договоров, которые завершили Первую мировую войну¹⁰. Поляки понимали, что Великобритания будет идти на уступки Германии, чтобы не допустить создания советско-германского альянса. И было очевидно, что эти уступки будут делаться не на Рейне, а в Центральной Европе.

В результате подписания договора с Советской Россией Германия могла рассчитывать на ее поддержку на международной арене. Уже во время работы Генуэзской конференции Политбюро ЦК РКП(б) направило инструкцию советской делегации в Генуе, в которой требовало: «Максимально защищайте интересы и права Германии»¹¹. Во время рурского кризиса Германия была еще неспособна оказать вооруженное сопротивление вторжению французских и бельгийских войск. Но Рапалльский договор создал более благоприятные условия для Германии. Она была защищена от возможного вторжения с востока благодаря позиции Советской России. Москва предприняла ряд шагов, чтобы не допустить польского вторжения в Германию. Уже 16 января 1923 г. в телеграмме члена коллегии Народного комиссариата иностранных дел СССР Я. Ганецкого перед полпредом в Варшаве ставилась

⁸ Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 41. М. : Политиздат, 1981. С. 282.

⁹ Дирксен Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М. : Олма-Пресс, 2001. С. 37.

¹⁰ Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918–1939 : w 2 t. Т. 1. 1918–1932 / red.: T. Jędruszczyk [i in.]. Warszawa : Pax, 1989. S. 126.

¹¹ Рос. гос. арх. соц.-полит. истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 289. Л. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/showunit&id=60446> (дата обращения: 11.03.2022).

задача довести до польского правительства информацию: «...мы не можем быть индифферентными к предполагаемой у них мобилизации и, если такая произойдет, вынуждены будем сделать соответствующие выводы». Одновременно Я. Ганецкий планировал встретиться в Москве с польским посланником Р. Кноллем, чтобы и ему сообщить советскую позицию по этому вопросу¹².

Рурский кризис способствовал урегулированию вопроса о международно-правовом статусе польской восточной границы. Совет послов Антанты 15 марта 1923 г. принял дополнительный протокол к Версальскому миру, согласно которому восточные границы Польши получали международное признание. В протоколе не упоминался Рижский мирный договор, но признавалась граница, установленная именно этим соглашением. Тем самым и юридически положения Рижского мирного договора становились фактором, определяющим международную ситуацию в центральноевропейской подсистеме международных отношений. В связи с этим борьба с Версальским миром и Рижским мирным договором как документами, определяющими характер международных отношений в Центральной Европе, оказались для Германии и СССР еще более тесно связанными. А одним из важных инструментов этой борьбы являлся Рапалльский договор.

События 1923 г. продемонстрировали для германских правящих кругов двойственность советской политики по отношению к Германии после подписания Рапалльского договора. Они показали, что, поддерживая сотрудничество с германским правительством, Москва одновременно оказывает поддержку германским коммунистам в их попытках захватить власть. Г. Дирксен отмечал в своих мемуарах, что, с одной стороны, германским правительством поощрялись политическая дружба и экономический обмен с Советской Россией, а с другой – «шла борьба не на жизнь, а на смерть против смуты и беспорядков, направленная на то, чтобы воспрепятствовать экспорту хаоса в Германию»¹³. Такая оценка советской политики неизбежно вела правящие круги Германии к пониманию того, что опора в борьбе с Версалем только на СССР ненадежная.

После неудачи «германского октября» Советский Союз все больше отходил от политики подталкивания мировой революции и выражал готовность к нормализации отношений с капиталистическими

странами. Так, 13 марта 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) обсуждало ситуацию в Болгарии. В принятом решении отмечалось: «Болгарская компартия должна иметь в виду, что СССР – ввиду общего положения вещей – вооруженной силой (или даже военной демонстрацией) болгарской революции в ближайшее время помочь не смог бы»¹⁴. Отказа от революционных авантюр требовали интересы экономического восстановления страны. Но при этом Москва не отказалась от курса на пересмотр порядка вещей, установленного Версальским миром и Рижским мирным договором. В замечаниях к резолюции по национальному и колониальному вопросу V конгресса Коммунистического интернационала И. В. Сталин писал о воссоединении разорванных на части Украины и Беларуси. При этом высказывал убеждение в том, что «все эти разорванные части сомкнутся в свое время с СССР (больше им некуда ткнуться)»¹⁵. Советское руководство в своей внешней политике исходило из неприятия той системы международных отношений, которая сложилась в Европе, и считало необходимым и неизбежным ее изменение. В ноябре 1924 г. заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов в меморандуме для узкого круга советских руководителей выступил с идеей установления суверенитета СССР над территориями Западной Украины и Западной Беларуси, а также над странами Балтии¹⁶. Выступая на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г., И. В. Сталин заявил, что Версальский мир узаконил «потерю украинской Галиции и Западной Волыни, потерю Белоруссией западной ее части, потерю Литвой Вильни и прочее»¹⁷. Фактически было заявлено о несправедливости территориальных приобретений Польши по Версальскому миру и Рижскому мирному договору. Политбюро ЦК РКП(б) 18 декабря 1924 г. обсуждало польское предложение о начале переговоров по широкому кругу вопросов. Было принято решение о том, что при ведении переговоров с Варшавой нужно «не отказываться от принципа исправления границ между СССР и Польшей»¹⁸. Чуть позже, 24 декабря 1924 г., Политбюро ЦК РКП(б) рассматривало вопрос о переговорах с Германией. До этого состоялась встреча Г. В. Чичерина с германским послом У. Брокдорф-Ранцау, в ходе которой последний в соответствии с полученной из Берлина инструкцией поставил вопрос «оттеснения Польши в ее этнографические границы». Г. В. Чичерин не отверг этой формулы,

¹² Арх. внешней политики Рос. Федерации (АВПРФ). Ф. 04. Оп. 32. П. 212. Д. 52564. Т. 1. Л. 6.

¹³ Дирксен Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 74–75.

¹⁴ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы / сост. Г. М. Адибеков, К. К. Шириня. М.: РОССПЭН, 2004. С. 248.

¹⁵ Там же. С. 270.

¹⁶ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001. С. 14.

¹⁷ Четырнадцатый съезд ВКП(б): стенографический отчет. М.: Госиздат, 1926. С. 14.

¹⁸ Материалы особой папки Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1945. М.: РОССПЭН, 1997. С. 10.

но заявил, что советско-германские переговоры не должны ограничиваться польским вопросом¹⁹.

Рурский кризис дал толчок сближению Германии со странами Запада, прежде всего с Великобританией. Без поддержки ведущих государств Запада, которые составляли ядро версальской системы, добиться ее ревизии в интересах Германии не представлялось возможным. Еще 28 мая 1922 г. канцлер Й. Вирт, выступая на заседании комиссии рейхстага по иностранным делам, отмечал, что в борьбе против опасности, которую представляет для Германии Версальский мир, нельзя «ожидать большой помощи с Востока»²⁰. Речь шла о том, что сотрудничества только с СССР недостаточно для ревизии Версаля. Добрые отношения с СССР могли служить опорой для Германии в ее диалоге с Западом, целью которого был пересмотр наиболее неприемлемых для немцев положений Версальского мира. Уже во время рурского кризиса Германия фактически ощутила поддержку Великобритании. Победа Франции могла подорвать европейское равновесие, что противоречило английским интересам. Именно Рапалльский договор давал возможность Берлину чувствовать себя более уверенно в диалоге с Лондоном и Парижем. Фактически Германия могла шантажировать Запад угрозой тесного союза с СССР, добиваясь ревизии отдельных положений Версальского мира. На этом Г. Штретземан строил политику равновесия между Западом и Востоком. Двигаясь в сторону Лиги Наций и Локарно, Германия сохранила рапалльский курс в отношениях с СССР. В январе 1925 г. в беседе с советским полпредом в Берлине Н. Н. Крестинским командующий рейхсвером Г. Сект заявил, что Веймарская республика вынуждена сотрудничать с СССР, так как это единственная страна, на которую Германия может опереться в своем военном возрождении. Вторым мотивом для сотрудничества, по словам генерала, была Польша. В качестве цели германской политики на востоке он обозначил восстановление общей границы между Германией и Россией на, возможно, более длительном протяжении [4, с. 284]. В письме Г. Штретземана бывшему кронпринцу 9 сентября 1925 г. важнейшими задачами внешней политики Германии были на-

званы «возвращение Данцига, польского коридора и корректировка границы в Верхней Силезии»²¹. Германские планы ревизии германо-польской границы в связи с подписанием гарантийного пакта не изменились. Но при этом политика равновесия Г. Штретземана не допускала возможности создания советско-германского военно-политического союза для достижения этой цели. В письме послу в Москве от 19 марта 1925 г. он отмечал: «Открытый или секретный германо-русский военный союз... не может входить в наши политические расчеты на ближайшее будущее»²². Очевидно, что такой союз исключил бы возможность компромисса с Западом в ревизии Версальского мира. Тем не менее курс Берлина на сохранение рапалльской политики оставался достаточно устойчивым и в условиях сближения Германии с Западом.

После провала «германского октября» для советской политики оставалась актуальной задача осуществить территориальное переустройство на центральноевропейской периферии версальской системы. Несмотря на сближение Германии с Западом, это обеспечивало сохранение основы для продолжения курса Рапалло. Этому не помешало ни намерение Германии вступить в Лигу Наций, ни подписание ею гарантийного пакта. Советское руководство считало крайне необходимым заключить новый договор с Германией, опасаясь, что Великобритания удовлетворит Германию за счет Польши и в Берлине потеряют интерес к сотрудничеству с СССР²³. Отношения между СССР и Германией по-прежнему имели приоритетное значение для каждого из государств. Это продемонстрировали советско-польские переговоры в соглашении о ненападении в 1925–1926 гг. В инструкции, которую в связи с данными переговорами 2 января 1925 г. получил из Народного комиссариата иностранных дел СССР полпред в Варшаве П. Войков, отмечалось, что их следует затягивать с таким расчетом, чтобы «мы могли раньше договориться с Германией на основе проводимого с обеих сторон аналогичного зондажа»²⁴. По сути, рапалльская политика предопределила неудачу советско-польских переговоров о ненападении в середине 1920-х гг.

Заключение

Таким образом, Рапалльский договор был рожден во многом той международной ситуацией, которая сложилась на центральноевропейской периферии версальской системы международных

отношений. Данная региональная подсистема отличалась особой нестабильностью. Это было вызвано рядом факторов. Здесь образовалась группа новых государств, которые пытались включиться

¹⁹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки»... С. 57.

²⁰ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до Рапалло : сб. док. : в 2 т. редкол.: С. Дернберг [и др.]. Т. 2. М. : Политиздат, 1971. С. 541.

²¹ Streseman G. Vermachtnis : in 3 b. B. 2. Berlin : Ullstein Von. Henri Bernhard, 1932. S. 553.

²² Локарнская конференция. М., 1959. С. 63.

²³ АВПРФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 217. Д. 52668. Л. 67.

²⁴ Там же. Д. 52670. Л. 3, 4.

в версальскую систему и в ходе этого процесса порождали конфликтные ситуации. Центральноевропейская подсистема включала государства как заинтересованные в сохранении Версальского мира, так и те, которые стремились к его отмене. Кроме того, на границе центральноевропейской подсистемы располагалась Советская Россия, оказавшаяся за пределами версальской системы и нацеленная ее ликвидировать. Рижский мирный договор фактически включил Россию в число акторов центральноевропейской периферии версальской системы. Рапалльский договор во многом стал результатом стремления России и Германии изменить порядок вещей, который был установлен в Центральной Европе Версальским миром и Рижским мирным договором. Это создавало угрозу для международных позиций ряда стран региона (прежде всего Польши), которые были заинтересованы в стабильности версальской системы. Ситуация для них усугублялась тем, что для государств (в первую очередь для Великобритании), составлявших ядро версальской

системы, сохранение ее в неизменном виде на восточной окраине не являлось приоритетной задачей. Опираясь на Рапалльский договор, Советская Россия и Германия противодействовали шагам Польши, которые могли бы укрепить существовавший в Центрально-Восточной Европе международный порядок. Это проявилось во время рурского кризиса при попытках Польши подчинить своему влиянию страны Балтии. Для Германии Рапалльский договор послужил и инструментом, который открывал возможность поставить вопрос о ревизии некоторых положений Версальского мира перед ведущими странами Запада со значительными шансами на успех. Поэтому она сохраняла верность рапалльской политике, несмотря на заключение Локарнских договоров и курс на вступление в Лигу Наций. В целом Рапалльский договор усилил неустойчивость созданного Версальским миром международного порядка в центральноевропейской подсистеме версальской системы международных отношений.

Библиографические ссылки

1. Ахтамзян АА. *Рапалльская политика. Советско-германские отношения. 1922–1932*. Москва: Международные отношения; 1974. 303 с.
2. Трухнов ГМ. *Поучительные уроки истории: три советско-германских договора (1922–1926 гг.)*. Минск: Издательство БГУ; 1979. 183 с.
3. Горлов СА. *Совершенно секретно: альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. (военно-политические отношения СССР – Германия)*. Москва: ОЛМА-ПРЕСС; 2001. 352 с.
4. Зубачевский ВА. *Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитический аспект*. Омск: Издательство ОмГПУ; 2018. 396 с.
5. Кантор Ю. *Заключая дружбу. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е годы*. Санкт Петербург: Питер; 2009. 336 с.
6. Мезга НН. *В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов*. Гомель: ГГУ имени Ф. Скорины; 2010. 197 с.
7. Космач ВА. *От Компъена до Рапалло. Внешняя политика Веймарской Германии после Первой мировой войны (1918–1923 гг.): страницы истории*. Псков: ЛОГОС; 2017. 551 с.
8. Linke HG. *Deutsch-sowjetische Beziehungen bis Rapallo*. Köln: Wissenschaft und Politik; 1970. 295 S.
9. Zeidler M. *Reichswehr und Rote Armee: 1920–1933. Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit* [dissertation]. München: Oldenbourg; 1994. 373 S.
10. Materski W. *Na widecie. II Rzeczpospolita wobec Sowietów 1918–1943*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe; 2005. 468 s.
11. Grosfeld L. *Polska a stosunki niemiecko-sowieckie 1918–1939*. Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza; 1988. 43 s.
12. Миньяр-Белоручев КВ. Взаимодействие ядра и периферии системы международных отношений в историческом аспекте. *Новая и новейшая история*. 2020;4:5–20. DOI: 10.31857/S0000329-9-1.
13. Миньяр-Белоручев КВ. Ядро и периферия системы международных отношений: характер взаимодействия. *Новая и новейшая история*. 2019;6:5–18. DOI: 10.31857/S013038640007606-4.
14. ди Нольфо Э. *История международных отношений (1918–1999 гг.)*. Москва: Логос; 2003. 1306 с.
15. Лазько РР. *Перад патапам. Еўрапейская палітыка Польшчы (1932–1939)*. Мінск: БДУ; 2000. 354 с.
16. Белоусов ЛС, Маныкин АС, редакторы. *Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации*. Москва: Издательство Московского университета; 2014. 816 с.
17. Мальков ВЛ, редактор. *Первая мировая война: пролог XX века*. Москва: Наука; 1998. 342 с.
18. Голиков ГН, Майоров СМ, Обичкин ГД, редакторы. *Воспоминания о В. И. Ленине. Том 5. Воспоминания зарубежных современников*. Москва: Издательство политической литературы; 1969. 558 с.
19. Wyszczelski L. *Wojna o polskie Kresy 1918–1921*. Warszawa: Bellona; 2011. 496 s.
20. Дубровко ЕН. Рижская граница в оценках британских правительственных кругов в первой половине 1920-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2021;2:29–38. DOI: 10.33581/2520-6338-2021-2-29-38.
21. Хормач ИА. Советское государство на международной конференции в Генуе по экономическим и финансовым вопросам. 10 апреля – 19 мая 1922 года. *Новая и новейшая история*. 2020;3:80–106. DOI: 10.31857/S013038640009146-8.
22. Kumaniecki J. *Wobec układu w Rapallo. Z dziejów stosunków polsko-radzieckich: studia i materiały*. 1966;2:253–266.
23. Дьяков ЮЛ, Бушуев ТС. *Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество 1922–1933 гг. Неизвестные документы*. Москва: Советская Россия; 1992. 384 с.
24. Магадеев ИЭ. «Тень империй»: проблемы стабильности в Центральной и Восточной Европе в оценках британских дипломатов и политиков (1920-е годы). *Новая и новейшая история*. 2021;4:82–96. DOI: 10.31857/S013038640013654-7.

References

1. Akhtamzyan AA. *Rapall'skaya politika. Sovetsko-germanskije otnosheniya. 1922–1932* [Rapallo politics. Soviet-German relations. 1922–1932]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1974. 303 p. Russian.
2. Trukhnov GM. *Pouchitel'nye uroki istorii: Tri sovetsko-germanskikh dogovora (1922–1926 gg.)* [Instructive lessons of history: three Soviet-German Treaties (1922–1926)]. Minsk: Izdatel'stvo BGU; 1979. 183 p. Russian.
3. Gorlov SA. *Sovershenno sekretno: Al'yans Moskva – Berlin, 1920–1933 gg. (Voenno-politicheskie otnosheniya SSSR – Germaniya)* [Top secret: the Moscow – Berlin Alliance, 1920–1933 (military-political relations of the USSR – Germany)]. Moscow: OLMA-PRESS; 2001. 352 p. Russian.
4. Zubachevskii VA. *Politika Rossii v Tsentral'no-Vostochnoi Evrope (pervaya tret' XX veka): Geopoliticheskii aspekt* [Russia's policy in Central and Eastern Europe (the first third of the 20th century): a geopolitical aspect]. Omsk: Izdatel'stvo OmGPU; 2018. 396 p. Russian.
5. Kantor Yu. *Zaklyataya družba. Sekretnoe sotrudnichestvo SSSR i Germanii v 1920–1930-e gody* [Sworn friendship. Secret cooperation between the USSR and Germany in the 1920s and 1930s]. Saint Petersburg: Piter; 2009. 336 p. Russian.
6. Mezga NN. *V tiskakh Rapallo: germanskii faktor v pol'sko-sovetskikh otnosheniyakh 1921–1926 godov.* [In the Grip of Rapallo: the German factor in Polish-Soviet relations of 1921–1926]. Gomel: Francisk Skorina Gomel State University; 2010. 196 p. Russian.
7. Kosmach VA. *Ot Komp'ena do Rapallo. Vneshnyaya politika Veimarskoi Germanii posle Pervoi mirovoi voiny (1918–1923 gg.): stranitsy istorii* [From Compiègne to Rapallo. The foreign policy of Weimar Germany after the First World War (1918–1923): pages of history]. Pskov: LOGOS; 2017. 551 p. Russian.
8. Linke HG. *Deutsch-sowjetische Beziehungen bis Rapallo.* Köln: Wissenschaft und Politik; 1970. 295 S.
9. Zeidler M. *Reichswehr und Rote Armee: 1920–1933. Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit* [Dissertation]. München: Oldenbourg; 1994. 373 S.
10. Materski W. *Na widecie. II Rzeczpospolita wobec Sowietów 1918–1943.* Warszawa: Wydawnictwo Naukowe; 2005. 468 s.
11. Grosfeld L. *Polska a stosunki niemiecko-sowieckie 1918–1939.* Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza; 1988. 43 s.
12. Minyar-Beloručev KV. Interaction of core and periphery of the international system: historical analysis. *Novaya i noveishaya istoriya.* 2020;4:5–20. Russian. DOI: 10.31857/S0000329-9-1.
13. Minyar-Beloručev KV. The core and periphery of the international system: types of interaction. *Novaya i noveishaya istoriya.* 2019;6:5–18. Russian. DOI: 10.31857/S013038640007606-4.
14. di Nol'fo E. *Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii (1918–1999 gg.)* [History of international relations (1918–1999)]. Moscow: Logos; 2003. 1306 p. Russian.
15. Laz'ko RR. *Perad patopam. Ewrapejskaja palityka Pol'shchy (1932–1939)* [Before the flood. Poland's European policy (1932–1939)]. Minsk: Belarusian State University; 2000. 354 p. Belarusian.
16. Belousov LS, Manykin AS, editors. *Pervaya mirovaya voina i sud'by evropeiskoi tsivilizatsii* [The First World War and the fate of European civilisation]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 2014. 816 p. Russian.
17. Mal'kov VL, editor. *Pervaya mirovaya voina: prolog XX veka* [The First World War: the prologue of the 20th century]. Moscow: Nauka; 1998. 342 p. Russian.
18. Golikov GN, Maiorov SM, Obichkin GD, editors. *Vospominaniya o V. I. Lenine. Tom 5. Vospominaniya zarubezhnykh so-vremennikov* [Memories of V. I. Lenin. Volume 5. Memoirs of foreign contemporaries]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1969. 558 p. Russian.
19. Wyszczelski L. *Wojna o polskie Kresy 1918–1921.* Warszawa: Bellona; 2011. 496 s.
20. Dubrouka AM. The Riga border in the assessments of the British government circles in the first half of the 1920s. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2021;2:29–38. Russian. DOI: 10.33581/2520-6338-2021-2-29-38.
21. Hormach IA. The Soviet State at the International conference in Genoa on economic and financial matters. April 10 – May 19, 1922. *Novaya i noveishaya istoriya.* 2020;3:80–106. Russian. DOI: 10.31857/S013038640009146-8.
22. Kumaniecki J. *Wobec układu w Rapallo. Z dziejów stosunków polsko-radzieckich: studia i materiały.* 1966;2:253–266.
23. D'yakov YuL, Bushuev TS. *Fashistskii mekh kovalsya v SSSR. Krasnaya Armiya i reikhsver. Tainoe sotrudnichestvo 1922–1933 gg. Neizvestnye dokumenty* [The Fascist sword was forged in the USSR. The Red Army and the Reichswehr. Secret cooperation 1922–1933. Unknown documents]. Moscow: Sovetskaya Rossiya; 1992. 384 p. Russian.
24. Magadeev IE. «Shadow of empires»: ways and means of stability in Central and Eastern Europe viewed by the British diplomats and political leaders in the 1920s. *Novaya i noveishaya istoriya.* 2021;4:82–96. Russian. DOI: 10.31857/S013038640013654-7.

Статья поступила в редколлегию 26.04.2022.
Received by editorial board 26.04.2022.